

Литературный вестник
26.1.60.

НЕСКОЛЬКО дней тому назад я видел в Центральном детском театре спектакль «Друг мой, Колька!», и до сих пор меня не покидает чувство радости.

Когда радуешься за театр...

Вот этой радостью мне сейчас и хочется поделиться. Спектакль «Друг мой, Колька!» необычайный: в нем почти все — дебютанты, начиная с автора пьесы А. Хмелика. Не так то часто мы являемся свидетелями подобных дебютов, а ждем их упорно и с нетерпением. Я не оракул, не знаю, что напишет А. Хмелик в дальнейшем, но этой своей пьесой он убеждает в том, что знает жизнь, думает о ней, умеет ее преобразовать в пьесу, наделенную ясным и горячим гражданским темпераментом. Пафос пьесы направлен на утверждение в нашей школе и пионерской организации принципов творческого воспитания детей, автор высмеивает сухое, равнодушное отношение к этому важнейшему и прекрасному делу, которое еще проявляется со стороны иных воспитателей.

Но Хмелик — дебютант, так сказать, номер один. На афише значится, что «Друг мой, Колька!» — спектакль драматической студии Центрального детского театра. В этом тоже есть элемент удивительного. Вот в чем дело: студия была создана всего только один год и два месяца тому назад, и вдруг, — пожалуйста! — она выпускает спектакль, который выходит за рамки училища и получает право быть представленным на сцене одного из лучших театров страны. Как это ответственно и как волнующе! Ведь надо не забывать, что зрителю никогда нет дела, окончил ли артист высшее учебное заведение или только что пришел из самодеятельности, — ему необходимо одно: чтоб актер, раз он вышел на сцену, играл хорошо. Для меня мериллом актерской игры всегда является чуть измененная Станиславским пушкинская формула: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предлежаемых обстоятельствах...» И надо сказать, что подавляющее большинство юных дебютантов выдерживает этот строгий и трудный экзамен. Я не думаю, что в данном случае обманываюсь обаянием молодости, которое часто с лихвой компенсирует отсутствие мастерства, но является — увы! — недолговечным. Мне кажется, что в этом спектакле уже проявляется результат точности и плодотворности устремлений педагогов студии и одаренности каждого из ее учеников. Манера игры студийцев едина, но индивидуальность каждого выражена четко, и ни один артист не похож на другого — каждый создает свой, особый, на редкость жизненный образ, будь то Колька — Г. Сайфуллин, Маша — И. Гуляя, Юра — В. Лагирев, Федя — И. Фонин, Клава — В. Анисимова, Косик — Б. Захарова, Валерий — В. Ованесов, Исаев — А. Поляков, Пимен — М. Логвинов. Об этом приходится писать тоже как о явлении отрадном, потому что слишком часто театральные школы выпускают одинаковых, одноликих актеров. Когда же я смотрел спектакль «Друг мой, Колька!», мне показалось, что из этих студийцев могут появиться в недалеком будущем новые интересные актеры советского театра. Может быть, театральные преподаватели упрекнули меня в том, что я поступаю крайне непедagogично, так хвалю юных исполнителей. Но что поделаешь, если они мне очень понравились, что все эти дни я думаю о них, да не только о них, а обо всем нашем театре, о его судьбе. И думаю с радостью и большой надеждой!

В спектакле «Друг мой, Колька!» есть еще одна интересная особенность: в нем, наряду со студийцами, заняты ведущие актеры театра. Такой симбиоз грозил нарушением единства актерской манеры игры, целостности спектакля. Но этого не случилось. Актеры старшего поколения играют в той же чистой и искренней манере, что и студийцы, а студийцы играют так же строго и просто, как их учителя. Нужно было, например, проявить много вкуса и так-

та артистке Л. Чернышевой, чтобы не сделать «театральной» роль председателя родительского комитета Новиковой, разыгрывающей «даму-патронессу». А характер роли так и подмывал, вероятно, актрису «блеснуть» комедийными красками, огорчить зрителя эксцентриадой. Чернышева сдержала себя, нашла предельно правдоподобный рисунок и создала образ, который, думаю, запомнится юным и неюным зрителям надолго, хотя на сцене актриса находилась, по-моему, не больше 5—8 минут.

Наибольшая удача постановки — исполнение А. Дмитриевой и В. Калмыковым двух самых важных ролей: старшей пионервожатой Лидии Михайловны и вожатого отряда Сергея Руденко.

Когда думаешь об образе, созданном Дмитриевой, хочется сказать: «классная дама». Ее Лидия Михайловна не разговаривает с ребятами, а навстывает, не советует, а приказывает. А происходит это потому, что работа пионервожатой ей ненавистна. И наблюдая жестокую и умную игру актрисы, понимаешь, почему ее Лидия Михайловна приняла в штыки Сергея Руденко, пришедшего к ребятам по велению сердца.

Исполнение Калмыковым роли Руденко заставляет задуматься о многом. И прежде всего о столь волнующей каждого из нас проблеме положительного персонажа. Вот он перед нами — положительный персонаж — кристально-чистый, сердечный, умный и покоряющий ясностью цели, прямоотой. Хорошо играет Калмыков!

Спектакль готовил режиссер А. Эфрос. Я хорошо знаю работы Эфроса уже порядочное число лет и, всегда считая его интересным и своеобразным режиссером-постановщиком, к тому же подозревал, что в нем кроются недооцененные педагогические способности. И это оказалось действительно так. Но было бы несправедливым говорить об Эфросе только как о педагоге. Для решения пьесы Хмелика им найдена острая, необычная форма. Такие эпизоды, как начало и финал спектакля, приход на сбор отряда Анны Николаевны, сделаны с настоящей душевной (а не головной) выдумкой. А, скажем, сцена, когда с главного героя Кольки на Совете дружины, несправедливо исключая его из пионеров, снимают красный галстук, а в это время где-то, за стеной бьет пионерский барабан, является настоящей творческой находкой.

В последнее время на нашем театре определилось два, если можно так назвать, режиссерских направления: одно, думая, что продолжает линию МХАТа, заботится о скрупулезной правденке, ставя серые, бескрылые спектакли, другое, борясь с этой правденкой, ударяется в ложную романтику, патетику, становится на ходули. И только по-настоящему талантливым режиссерам удается создать высокопоэтические спектакли. К счастью, их становится все больше и больше. Спектакль «Друг мой, Колька!» принадлежит, на мой взгляд, к числу таких удивительных работ режиссуры.

«Друг мой, Колька!» рассчитан на детей среднего школьного возраста, то есть примерно на 12—14-летних мальчиков и девочек. Но вы посмотрите на то, как реагируют в зрительном зале взрослые, которым удалось попасть на спектакль, и вы убедитесь, что возрастные рамки здесь чисто условные. Это происходит всегда, когда в спектакле есть самое главное, что не зависит ни от какого возраста, — есть темперамент, страсть, мысль, форма, есть настоящее искусство.

В. РОЗОВ